

ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМАТИКА ЛИЧНОСТНЫХ РАССТРОЙСТВ И УЧЕНИЕ О «СТРАСТЯХ» В АСКЕТИЧЕСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ¹

С.А. БЕЛУСОВ

В статье детально разбирается клиника личностных расстройств, предпринимается попытка сгруппировать их, исходя из феноменологических проявлений. Основной инновационный момент данного материала — аргументация возможной корреляции и, как следствие, взаимосвязи между медицинским понятием «психопатия» и аскетическим понятием «страсть». Структура изложения материала представляет собой описание клинической картины личностных расстройств с параллельным сопоставлением ее с описаниями духовных искажений, почерпнутыми из классических христианских источников.

Ключевые слова: психопатия, расстройство личности, страсть.

Едва ли не наибольшим вкладом русской мысли в мировую философию является учение о «положительной этике всеединства» Вл. Соловьева и вдохновленных им мыслителей, в первую очередь, священнослужителей — о. Павла Флоренского и о. Сергия Булгакова. Эта философия в высшей степени религиозна, именно в лингвистическом аспекте этого термина (*religare* — восстановление связей). Всеединство означает, в частности, то, что явления мира имеют некое отношение и неслучайны друг к другу, что мир пронизан взаимосвязями между разными уровнями бытия, что задача добросовестной науки — выявление этих связей и через них приближение к пониманию замысла Творца о творении, с тем, чтобы в качестве ультимативной цели человеческой жизни осуществить свободное сотрудничество с Творцом.

Психология, понимаемая как «опытное душеведение», является, может быть, самой топологически приближенной из светских дисциплин к богословскому корпусу человеческих знаний. Поэтому ожидание некоторых корреляций между патопсихологическими реа-

¹ Сообщение, сделанное в Русском Философском Обществе 24.04.2009.

лиями и категориями духовной жизни представляется оправданным, а поиск этих корреляций — перспективной зоной интеллектуального поиска.

Целью настоящего сообщения является аргументация возможности соотнесения личностных расстройств, описанных в психиатрической клинике, с духовными искажениями, выделенными в аскетической практике православной духовной традиции.

Задачами данной работы являются: а) предложить к рассмотрению новую схему соотношения типов патохарактерологических расстройств соответственно их феноменологии, и б) установить взаимосвязи между клиническим понятием «психопатии» и принятой в православной духовной традиции категорией «страсти», предполагая дальнейшую возможность распространения принципа корреляции на физиологические расстройства.

Метод, который мы сочли наиболее уместным для этих целей, состоит в приведении точных дескрипций описываемых явлений из аутентичных источников, таким образом, чтобы предполагаемая взаимосвязь выявилась вполне для непредвзятого адресата.

* * *

Начиная с античности, человечество пытается понять себя путем анализа, то есть разъема, разложения, дифференциации, что, применительно к цели нашего изложения, выражается выделением тех или иных типов человеческих личностей, как нормальных, так и патологических. Первая известная нам попытка такого рода типобразующего членения принадлежит Гиппократу, предложившему четыре типа темперамента человека, производных от «преобладания телесных жидкостей»: уравновешенный сангвиник с доминированием крови («сангва»), возбудимый холерик, управляемый желчью («холе»), тормозимый флегматик, управляемый слизью («флегма») и тревожный меланхолик с доминированием черной желчи («мелайна холе»).

Новое время цивилизации, рефлексирующей самое себя, открыло две парадигмы, в которых осуществлялись личностно типологические классификации. Первую из них уместно назвать центробежной или психологической. Соответственно этому подходу, происходило конструирование личностных типов исходя из принципа, идеи, алгоритма, заложенного в теоретическую основу. Так образуется систематика в психоаналитическом подходе. Здесь различаются пять основных типов, основанных на фиксации детских комплексов, то есть остановке на той или иной нормальной стадии развития: 1) оральный — характе-

ризующийся сильной зависимостью от других, которая может сопровождаться такими чертами, как чрезмерная щедрость, болтливость; 2) анальный — основными чертами которого являются бережливость, упрямство и любовь к порядку; 3) уретральный — характеризующийся честолюбием и духом соперничества в сочетании со стыдливостью; 4) фаллический — характеризующийся решительностью, уверенностью в себе и целеустремленностью; 5) генитальный — или уравновешенный [Мак-Вильямс, 2007].

Э. Шпрангер выделяет шесть «чистых прототипов» личностей, основываясь на системе ценностей и отношении к миру: 1) теоретическая личность, основное желание которой — узнать, как все устроено, и отличить фальшь от истины; 2) экономическая личность, которая фокусируется на понятиях полезности и расчета; 3) эстетическая личность — идеалист, гедонист, одухотворяющий природу и естественность; 4) социальная личность, которая характеризуется милосердным, понимающим, братолюбивым отношением к ближнему, нужды других воспринимая как более важные, чем собственные; 5) политическая личность, которая, в отличие от социальной личности, хочет не помогать, а управлять, а точнее, подавлять во имя благих целей; 6) религиозная личность, которая характеризуется тем, что ищет высшие ценности в существовании и периодически задается вопросом о смысле жизни [Психология личности. Тексты, 1982, с. 55-59].

К.Г. Юнг разработал классификацию, основанную, главным образом, на установке индивида по отношению к окружающему миру. Он различает интровертов и экстравертов, из которых первый обращен вовнутрь, а второй проявляет интерес преимущественно к окружающему миру. Интровертированной личности свойственна застенчивость, замкнутость, стремление избегать риска и социальных взаимодействий. Экстравертированная личность характеризуется склонностью к авантюрам, открытостью и общительностью. Г. Айзенк добавил к двум полюсам оси К. Юнга вертикальную ось стабильность — нестабильность (уровень тревожности), на основе чего был создан психодиагностический инструмент, а в дальнейшем спекулятивное развитие этого направления привело к созданию квазинаучного течения, соционики, и производного от нее подхода к личностной типологизации, исходящего из «жизненных ориентаций» [Коржова, 2004].

Пост-психоаналитическая гуманистическая теория Э. Фромма предполагает выделение основных ориентаций характера по способу удовлетворения экзистенциальных потребностей. К непродуктивным типам относятся: 1) рецептивный — сентиментальный, зависимый и

пассивный, считающий, что надо быть любимым, а не любить; 2) эксплуатирующий — добивающийся от других желаемого силой, обманом или изобретательностью; 3) накапливающий — скупой, упрямый, ориентированный на прошлое, но отличающийся в то же время положительными особенностями — предусмотрительностью, лояльностью, сдержанностью; 4) рыночный — определяющий себя как товар, который можно выгодно продать/обменять. Продуктивный характер — идеальное состояние человека. Это тип независимый, честный, спокойный, любящий, творческий и совершающий социально-полезные поступки [Фромм, 1993].

Вторая парадигма патохарактерологической классификации может быть обозначена как психиатрическая, поскольку в ее основе лежит клинический принцип. Она центростремительна и эмпирична, то есть является производной от многолетних наблюдений за проявлениями человеческой индивидуальности и изучения ее по многочисленным документам — от панегирических биографий до скорбных листов (историй болезни), отражающих отклонения от условного понятия «нормы» в сторону регресса или деструкции той или иной степени выраженности. Именно это направление будет в фокусе нашего исследования, поскольку оно знаменует собой не умозрительность теоретических концепций, но то, что вне всяких объяснений представляет собой действительность.

В анналах клинической психиатрии издавна приводились описания личностей, у которых, при неадекватном жизненном стиле, отсутствовали признаки психоза. Ф. Пинель в 1809 году писал о «мании без бреда», Д. Причард в 1835 году — о «моральном помешательстве», Р. Крафт-Эбинг — о «психических дегенерантах», К. Клейст — о «характеропатах», бельгийский психиатр Делемейн выделил лиц «desequilibres», и, наконец, в 1900 году И. Коч ввел термин «психопатия», который во второй половине XX века повсеместно был вытеснен определением «расстройства личности», входящим во все современные психиатрические классификации.

Первая классификация психопатий, предложенная Э. Крепелином в 1915 году, содержит 7 их разновидностей: 1) возбудимые; 2) безудержные (несдержанные); 3) импульсивные (люди влечений); 4) чудачки-ограниченные; 5) лжецы и обманщики (псевдологи); 6) враги общества (антисоциальные); 7) патологические спорщики — ищущие ссор. Очевидна некорректность данной систематики, когда одни категории выделены исходя из клинических критериев, другие — из социологических, третьи — из нравственных.

В систематике К. Шнайдер (1928 год) выделяется 10 типов психопатических личностей: 1) гипертимные; 2) депрессивные; 3) неуверенные в себе; 4) фанатичные; 5) ищущие признания; 6) эмоционально лабильные; 7) взрывчатые; 8) бездушные; 9) безвольные; 10) астенические.

В отечественной психиатрии наибольшее признание получила классификация П.Б. Ганнушкина (1933 год): 1) циклоиды; 2) астеники; 3) шизоиды; 4) параноики; 5) эпилептоиды; 6) истерические характеры; 7) неустойчивые; 8) антисоциальные; 9) конституционально глупые.

К. Леонгард в 1976 году, позиционируя характерологические «акцентуации» как непатологичные, смягченные варианты психопатий, выделил такие типы как: 1) демонстративный; 2) педантичный; 3) застревающий; 4) возбудимый; 5) гипертимический; 6) аффективно-лабильный; 7) тревожный; 8) интровертированный.

Последняя европейская психиатрическая классификация МКБ-10 предусматривает следующие виды расстройств личности: 1) F60.0 Паранойальное расстройство личности; 2) F60.1 Шизоидное расстройство личности; 3) F60.2 Диссоциальное расстройство личности; 4) F60.3 Неустойчивое расстройство личности; 5) F60.4 Истерическое расстройство личности; 6) F60.5 Ананкастное расстройство личности; 7) F60.6 Избегающее расстройство личности; 8) F60.7 Зависимое расстройство личности.

Американская классификация DSM-IV идентифицирует 10 расстройств личности: 1) параноидные; 2) шизоидные; 3) шизотипальные; 4) нарциссические; 5) антисоциальные; 6) пограничные; 7) избегающие; 8) зависимые; 9) обсессивно-компульсивные; 10) пассивно-агрессивные.

Итак, следует заметить, что клинические классификации психопатий, во-первых, выделены эмпирически, путем наблюдения; во-вторых, выделенные типы сходны между собой вне зависимости от времени и места создания классификации; в-третьих, эти типы представляют собой некие собирательные образы, своего рода «клише», которые в чистом виде не встречаются в реальности, где каждая личность неповторима по-своему; и, в-четвертых, они приведены вне какой-либо системы, «через запятую», что свидетельствует об отсутствии объединяющей их концепции.

Нашим первым шагом будет предложение рассмотреть их в виде упорядочивающей таблицы (таблица 1), отражающей возможность их соотнесения между собой посредством диалектического противопоставления диаметральных полюсов психопатических рас-

стройств. Согласно этому принципу, шизоидной обращенности внутрь противостоит истерическая демонстративность, эпилептоидному напряжению — психастеническая неуверенность, паранойяльной застреваемости — неустойчивость и слабость воли и, наконец, конституциональной гипертимии — гипотимия и астенизация. Таким образом, образуется восьмиугольник, вершины которого также последовательно образуют логические взаимосвязи. Здесь имеется в виду, что каждый полюс конституируется в значительной степени двумя полюсами, между которыми он находится. Например, полюс паранойяльного личностного расстройства включает в себя проявления шизоидного и возбудимого (эпилептоидного) психопатических типов, а противоположный полюс неустойчивости может манифестировать парадоксальной констелляцией истерических и психастенических черт характера.

Таблица 1

		Шизоидная		
	Паранойяльная		Гипотимическая	
Эпилептоидная		Здоровая или идеальная личность; — полноценно функционирующая (К. Роджерс); — зрелая (Г. Оллпорт); — само-актуализирующаяся (А. Маслоу); — индивидуализированная (К.Г. Юнг); — само-трансцендентная (В. Франкл, А. ван Каам)		Психастеническая
	Гипертимическая		Неустойчивая	
		Истерическая		

Осуществив первый шаг нашего феноменологического исследования, обратимся к иному онтологическому уровню, а именно к христианской антропологии, как она представлена в православной аскетике. С долей условности можно охарактеризовать аскетику как прикладное богословие — ее назначением является не столько изучение человека, сколько опытное руководство к его изменению в направлении к его первозданной сути — «от данности к заданности».

На протяжении более чем 15 столетий в лоне аскетической традиции формировалась стройная система, отражающая всестороннее

понимание динамики высших измерений человеческой личности. Эти знания были накоплены и систематизированы путем осмысления жизненного опыта христианских подвижников. Удивительно точно подмеченные ими закономерности искушений, подстерегающих людей на различных этапах духовного пути, сгруппированы в восемь видов так называемых «страстей». Это понятие с точки зрения христианской святоотеческой традиции обозначает устойчивое искажение духовной сферы личности с «удобопреклонностью» к определенным разновидностям греховных помыслов, чувств и поступков.

Согласно одному из определений — «страсть — это порок от долгого времени вгнездившийся в душе и через навык (постоянное повторение) сделавшийся как бы природным ее свойством, так что душа уже произвольно и сама собою к нему стремится» [епископ Варнава (Беляев), 1995, с. 308] — мы можем заключить, что страсть является: а) экзистенциально порочной; б) устойчивой во времени; в) захватывающей и определяющей мотивационную сферу личности. Примечательным будет напомнить, что диагностика психопатии основывается на одновременном наличии трех признаков (критерии Ганнушкина — Кербикова): 1) тотальность; 2) стабильность; 3) дезадаптация. Отсутствие хотя бы одного из указанных критериев исключает постановку этого диагноза [Менделевич, 2005, с. 13].

Можно ли считать явление «страсти» облигатным признаком человеческой природы? Пожалуй, ответ будет положительным, если исходить из позиции, выраженной св. Макарием Великим: «Чуждое для естества нашего — вредные страсти — становятся через привычку как бы нашей природой; и опять необычайным же даром Духа надлежит изгнать из нас сие чуждое и восстановить нас в первоначальную чистоту» [Добротолюбие, 1895, т. 1, с. 198]. Есть также глубочайшее прозрение одного из авторитетных богословов — св. Максима Исповедника: «Причина этого извращения (природных энергий в разрушительные страсти) есть скрытый страх смерти» [Цит. по: Клеман, 1994]. С психологической точки зрения мы исходим из последовательности «психопатия — акцентуация — приближение к здоровой или идеальной личности».

В классических православных аскетических руководствах описано восемь основных страстей. Представим их также в виде таблицы 2.

Осмысливая понятие здоровой или идеальной личности с христианской точки зрения, мы не ошибемся, если в центре нашей таблицы поставим знак креста, как символ Спасителя — Богочеловека. Чем дальше личность от патологических вариантов развития, тем она хри-

Таблица 2

		Гордость		
	Сребролюбие		Уныние	
Гнев		+	Печаль	Уныние
	Чревоугодие		Блуд	
		Тщеславие		

стоцентричнее. В гармоничной личности мы обнаруживаем здоровое сочетание смирения и достоинства, послушания и ответственности, жизненной энергии и аскетического стремления к служению. Однако остановимся здесь, потому что, рассуждая подобным образом, мы покидаем область патохарактерологии и вступаем в область нравственного богословия.

Наши дальнейшие построения исходят из предположения, что внешнему восьмиугольнику психической дисгармонии соответствует внутренний восьмиугольник, полюсами которого являются страсти, как выражение того или иного типа искажения духовного устройства личности. Так, шизоидной психопатии соответствует страсть гордости, как манифестное проявление самоцентрированности; истерической психопатии — страсть тщеславия; эпилептоидной психопатии — страсть гнева; психастенической психопатии — страсть печали; гипотимии — страсть уныния; гипертимии — страсть чревоугодия; паранойальной психопатии — страсть стяжательства (корыстолюбия); и неустойчивой — страсть блуда.

Далее мы приводим краткое описание проявлений психопатий, основанное частью на литературных источниках, а частью — на наблюдениях из собственной практики. При этом каждый раздел сопровождается фрагментами аскетического дискурса, относящимися к соответствующей духовной патологии. Их источником является классический сборник «Добротолюбие» — настольная книга православного монашества.

Шизоидное расстройство личности / страсть гордости

Термин «шизоидный» предложен Э. Кречмером в контексте его концепции, предполагавшей связь между строением тела и характером. По его представлению, в отличие от пикнических циклоидов, люди шизоидного склада обладают астеническими пропорциями телосложения. Дальнейшие наблюдения показали, что данное условие вовсе необязательно, в то время как внутренняя сущность феномена

шизоидии, как психопатического расстройства, достаточно четко определена и сводится к приоритету собственных представлений об окружающем мире сравнительно с рецептивными данными об объективной реальности.

Для шизоидов характерна самодостаточность, автономность, отгороженность от внешнего в континууме от интроверсии (самообращенности) до аутизма (собственно уже признака шизофрении, означающего тотальный уход в глубины Я). С детства они предпочитают уединенное времяпрепровождение, их игры иногда монотонны, иногда нелепы, но всегда малопонятны. Взрослея, они могут рано поддаться так называемой «метафизической интоксикации», то есть начинают интересоваться сложнейшими мировоззренческими вопросами. Иногда причудливость их увлечений сопровождается необыкновенной эмоциональной насыщенностью, так что их жизнь сводится только к одному, порой кажущемуся совершенно не заслуживающим того, интересу — собиранию марок, компьютерной активности и т.п. Нередко они превосходят сверстников в интеллектуальном развитии, умении сопоставлять явления, общей эрудиции, однако, явно уступают им в житейской сметке, наблюдательности, умении общаться.

Заслуживает внимания моторика шизоидов — их механистичная манера движений, угловатость походки, вычурность или обедненность мимики, дисгармоничная тональность голоса. В одежде наблюдается либо пренебрежение каким-либо стилем, либо создание собственного, вплоть до появления на публике в обуви разного цвета. В отличие от противоположного истерического радикала, здесь эпатаж, имеющий целью вызвать реакцию окружающих в диапазоне от гнева до восхищения, вовсе не принимается в сознательный расчет.

«Конец гордости — отвержение Божией помощи, упование на свое тщание, бесовский нрав. Гордый не имеет нужды в бесе искусителя, он сам сделался для себя супостатом» [Добротолюбие, 1895, т. 1, с. 546].

Патологическая замкнутость шизоидов проявляется либо отсутствием, либо крайней избирательностью личностных контактов. То же относится и к их сексуальной сфере: либо интерес к эротическим аспектам жизни ослаблен, либо принимает причудливые формы.

«Таков закон правды Божией, что кто нераскаянно надымается гордостным превозношением сердца, тот предается на посрамление гнуснейшей плотской срамоте» [Там же. Т. 2, с. 89].

Парадоксальность внутреннего устройства проявляется малопонятным извне феноменом, когда, казалось бы, в ситуациях, требующих

сочувствия, шизоид остается холодным, равнодушным, отстраненным, а там, где обыкновенный человек ничего не заметит, шизоид оказывается сверххранимым, уязвленным, потрясенным.

«Кем овладела гордость, тот унижительным для себя считает соблюдать какие-либо правила подчинения или послушания, даже неохотно слушает и общее учение о совершенстве духовной жизни, иногда же питает к нему отвращение, особенно когда примет подозрение, что оно намеренно направлено против него. Таким образом, бывает, что духовное собеседование не приносит ему пользы, но напротив, оказывается вредным» [Там же. Т. 2, с. 89].

Уединенная мечтательность — неотъемлемое свойство шизоидов. Упоительные грезы облакаются в прихотливую художественную форму у творчески одаренных личностей, в то время как интровертированные индивиды с менее развитой фантазией имеют вкус к продолжительной рыбной ловле, или блеклым хобби, вроде кропотливого выстраивания моделей кораблей в бутылке.

«Гордость надмевает мысли до напыщенности, научает пренебрегать всяким человеком и с презрением смотреть на соестественного себе, как на нечто ничтожное, до безумия доводит высокопарный помысел, внушает мечтать о равенности Богу» [Там же. Т. 2, с. 184].

Вместо живого отклика на ежеминутно меняющуюся картину внешнего мира у шизоидов ответ словно проходит через фильтры абстрактных схем восприятия и алгоритмов действий. Сильными сторонами шизоидов являются способности к абстрагированию и неожиданным выводам, они продуктивны там, где успех зависит от последовательной логики (математика, философия, программирование) и нередко там, где ценна нестандартность подхода (теоретическая физика, концептуальное искусство).

Шизоид не бывает эмоционально теплым, он чаще холоден или реже, обжигает. Он либо не чувствует юмора, либо находит его там, где другим не смешно. Редко кого он может увлечь своими фантазиями. Он вызывает интерес своей экзотичностью, но совместное существование с ним неблагоприятно и возможно лишь при экстраординарном уровне самопожертвования. Шизоид может быть чудаком, недотепой, «городским юродивым», а может выступить в облике рафинированного холодного самовлюбленного мерзавца.

«Плотская гордость вот в каких действиях проявляется: в говорении ея бывает крикливость, в молчании досадливость, при веселости — громкий, разливающийся смех, в печали — бессмысленная пасмурность, при ответчании — колкость, в речи — легкость, слова как попало вырывающиеся

без всякого участия сердца. Она не знает терпения, чужда любви, смела в нанесении оскорблений, малодушна — в перенесении их, тяжела на послушание, если не предваряет его собственное желание и воля ... она более верит своему мнению, чем рассуждению старцев» [Там же. Т. 2, с. 90].

Шизоиды — люди крайностей. Их мы скорее найдем или на вершине списка «Форбс» или среди бомжей, роющихся в мусорных баках. Их нет на эстраде и мало в офисах. При условной компенсации шизоид может быть членом команды, но подчиняться он будет только тщательно прописанным инструкциям, всегда теряясь в ситуациях, требующих интуитивно правильного решения, предвосхищения действий других людей, которых он попросту не понимает. Зато у него нередко глубокая, беспощадная, а порой бестактно озвучиваемая рефлексия.

В отношении к себе здесь просматривается либо крайний эгоизм — «нравственно все, чего мне хочется», либо сверхтребовательность по принципу «все прощаю другим и ничего себе». В одном из древнейших «Патериков» встречается история необыкновенного юноши-аскета, который прославился своим незлобивым нравом, отсутствием всякого превозношения, глубочайшей почтительностью перед лицом каждого из иноков монастыря, где нередко его нарочно смущали и обижали. Пришедшие научиться от него монахи спросили, в чем же секрет его смирения. Юноша долго отказывался отвечать, а затем сказал: «Да вы посмотрите на них, это же собаки, что обижаться на их лай». Старцы были поражены столь откровенным надмением, выглянувшим из-под внешнего облика кротости.

Примеры шизоидов в литературе — это Печорин, Ставрогин, булгаковский Мастер. Характерна творческая позиция Нобелевского лауреата поэта И. Бродского, которому в московской психиатрической больнице был поставлен диагноз «шизоидная психопатия»: «Смотри на себя не сравнительно с другими, а обособляясь. Если ты озлоблен — не скрывай этого, пусть оно и грубо, если весел — тоже, пусть оно и банально. Ничьи — пусть самые высокие — правила тебе не закон, это не твои правила, в лучшем случае они похожи на твои. Независимость — лучшее качество на всех языках. И, пожалуйста, — никому ничего не объясняй» [Лосев, 2008, с. 108].

Особое место этого искажения личности среди остальных типов личностных дисгармоний отражено в изречении св. Иоанна Лествичника: «*Блудных исправляют люди, лукавых ангелы, а гордых — сам Бог*».

Случай из практики

Артур, 33 года, менеджер. Направлен терапевтом со странными жалобами: особый дискомфорт в левой стороне грудной клетки, когда

«словно сердце наружу, оно не защищено, обвеивается тонкой неприятной прохладой, от этого сжимается и меняет свое положение, подступая к горлу, затем — спазм дыхания, от которого — выброс адреналина, то есть почки набухают и бурлят, а по позвоночнику в этот момент ощущается мощный электрический разряд».

Внешне напоминает иллюстрацию к монографии Кречмера «Строение тела и характер» — худ, астеничен, с удлинненными пропорциями тела и нелепой стрижкой наголо.

В работе успешен, хотя сотрудники сетуют, что он никогда не входит в их положение, подчеркнуто безжалостен, ставя интересы продаж отдела на первое место. Живет один и этим доволен, в беседе о перспективах говорит, что семьей, может, когда-нибудь и обзаведется, но опыт недолгой совместной жизни с девушкой оставил у него самые безрадостные воспоминания: «Ей постоянно нужен секс и нежность, а я как-то к этому спокоен». Два года назад из-за какой-то мелочи повздорил с отцом, и с тех пор они не разговаривают, что для него хорошо: «Меньше отвлекает, вот если б мать еще звонила не раз в неделю».

Настроение свое именует «позитивным», хотя вопрос о радостях в жизни ставит его в тупик. Значительно больше обстоятельств, доставляющих ему беспокойство. Так, пытка для него — посещение парикмахерской, когда кто-то касается его головы. Также не переносит любые прикосновения — танец, дружеское объятие, даже простое рукопожатие. Хотя толчея в метро не относится к острым раздражителям — массу он не воспринимает как людей.

С гордостью говорит о том, как много он выигрывает тем, что ему не знакомы застенчивость, робость и стыд. «Вот многие, — утверждает он, — как-то стесняются проблем, связанных с геморроем, а я как почувствовал, что что-то там мешает, быстро сделал операцию, да, было потом больно, но уверен, теперь не будет никаких неудобств. Да, мама посещала один раз в больнице, но не допустил ее в палату, она только передала свежее белье, ведь лежал месяц».

Ему нравятся компьютерные игры: «Там все понятно, логично и все от тебя зависит».

По поводу своего будущего не беспокоится: «Я хороший работник, меня уволят последним». Смерти не боится: «Глупо, это процесс совершенно естественный». Не удается повернуть разговор на то, о чем он мечтает, каковы его нужды и потребности — он избрал принцип полной автономии, и у него все есть.

Истерическое расстройство личности / страсть тщеславия

Проявления истерической психопатии привлекали к себе внимание задолго до появления концепции патохарактерологических расстройств. Излишняя аффектация поведения, впечатляющие недуги без видимых причин, сочетание внушаемости и лживости выделяли таких личностей. Гиппократ видел причину подобного явления в «блуждании матки» (*hystera*). Средневековый трактат «Молот ведьм»

изобилует демонологическими интерпретациями рельефно узнаваемой истерии. Ж. Шарко именовал эту патологию «великой притворщицей», Э. Крепелин ввел в первую классификацию психопатий «лгунов и мошенников», К. Леонгард описывает «авантюрных личностей». З. Фрейду в патогенезе истерии открылся ницшеанский механизм вытеснения: «Я сделал это — говорит мне память. Я не мог этого сделать — говорит мне гордость, остающаяся в этом споре неумолимой. И вот приходит момент, когда память, наконец, отступает». К. Ясперс говорит о «паразитарном характере» — «*hysterische Kanailen*». К. Шнайдер принципиально отказывается от ярлыка «истерия», когда пишет: «Тщеславными психопатами мы называем личностей, которые хотят казаться значительнее, чем они есть на самом деле, то есть постоянно «ищущих оценки» — «*Geltungsbedurftige Psychopathen*». Во второй половине XX века применительно к данной патохарактерологии закрепился термин «нарциссизм».

Итак, истерия характеризуется такими качествами как демонстративность, фальшь, притворство, претенциозность, позерство, при этом, в большинстве случаев, осуществляющимися без осознания, рефлексии и критики.

Можно предположить, что онтологической сущностью данного расстройства является сколь бессознательно, столь и болезненно переживаемое ощущение собственной бытийной пустоты. Одна моя пациентка сказала: «Я чувствую себя живой, только когда вижу реакцию на себя со стороны других». Производным от этого переживания является потребность стяжать внимание людей, неизменно находиться в фокусе их восприятия, причем не столько соответствовать их ожиданиям, сколько, предугадывая, предвосхищать их ответные реакции, словно безудержно напитываясь эмоциями в свой адрес.

Невозможно изобразить узнаваемый собирательный портрет истерической личности — в силу ее изменчивости. Подобно Протею она принимает формы, обеспечивающие максимальное количество обращенного на нее извне внимания.

«Прочие страсти просты и однообразны, а эта многочастна и многообразна»
[Добротолюбие, т. 2, с. 74].

Внешний вид — от вызывающе остро модного до строжайше классического наряда, единственная функциональная нагрузка которого — быть оцененным встречным. Щебечущее жеманство женщин, равно как и брутальный мачизм мужчин, призваны обеспечить вхождение в желаемый образ. ореол таинственности, многозначительности или

провокационной эротической доступности служит целям интриги в отношении собеседника.

«Кто сделался рабом тщеславия, тот ведет двойную жизнь; одну по наружности, а другую по образу мыслей и чувств, одну наедине с собой, а другую на людях» [Там же. Т. 2, с. 542].

Театральность, игра, быстрота смены ролей служит цели поддержания интереса к своей персоне. Обещание несбыточного, поверхностная оригинальность суждений, угадывание желаний предназначены для того, чтобы вызывать восхищение. Если эти цели не достигаются, возникают обида, капризы — вплоть до манипулятивного поведения деструктивного характера (сплетни, клевета, месть, «геростратизм», широко объявленные суициды). Характерно преувеличение своих возможностей, таинственные полупамятки на могущественных покровителей, упоминание вскользь трагических обстоятельств жизни. Там, где, как им кажется, это срабатывает недостаточно, в ход идет патетическая драматизация с выставлением напоказ того, что принято скрывать.

«Уныние расслабляет душевную силу, а тщеславие болезненного делает здоровым, старика — более сильным, чем юноша, если только много свидетелей того, что делается ... похвала многих возбуждает усердие» [Там же. Т. 2, с. 261].

Казаться непохожим на других — доминирующий стиль поведения. Экстравагантность или отрешенность, восторженность или напускное безразличие, любая выделяющая их контрастная черта является маркером данного характера. В анналах судебной психиатрии описаны даже самооговоры в несовершенно преступлении, сделанные такими людьми лишь с одной целью — обеспечить общественный резонанс вокруг собственной персоны. Примечательно описание характера госпожи Аркадиной — словами сына — в чеховской «Чайке»: «Психологический курьез — моя мать. Бесспорно талантлива, умна, способна рыдать над книжкой, отхватит тебе всего Некрасова наизусть, за больными ухаживает, как ангел; но попробуй похвалить при ней Дуже! Ого-го! Нужно хвалить только ее одну, нужно писать о ней, кричать, восторгаться ее необыкновенною игрой в «La dame aux camélias» или в «Чад жизни», но так как здесь, в деревне, нет этого дурмана, то вот она скучает и злится, и все мы — ее враги, все мы виноваты. Затем она суеверна, боится трех свечей, тринадцатого числа. Она скупа. У нее в Одессе в банке семьдесят тысяч — это я знаю наверняка. А попроси у нее займы, она станет плакать».

«Дьявол, в ком не мог породить тщеславия благообразием статной и блестящей одежды, в том пытается всеять его одеждою неуклюжею, неопрятною и нищенскою; кого не мог ввергнуть в свою страсть честию, того подбивает на нее уничижением; кого не мог заставить превозноситься многознанием и умением красно говорить, у того вызывает это важничаньем в молчании» [Там же. Т. 2, с. 74].

Их призвание — подиум, сцена, эстрада. Впрочем, в любом месте им сладко ощутить себя в ампула интервьюируемого. Герои-экстремалы-спасатели, устало и значительно поигрывая мускулатурой, ждут расспросов о своих подвигах пренебрежения опасностью. Авантюристы, бретеры и ловеласы с тщательно продуманными «не как у всех» деталями внешнего облика являют взыскательный эстетизм со стремлением к элитарности и эксклюзивности. Воздушно светлая барышня из церковного хора искоса поглядывает, насколько она вожделенна. Пожилая страдалица ласковым воркованием изображает свою кротость в терпении невыносимых болезней и бедствий. Обласканные и признанные, они готовы восторгаться в ответ. Однако их чувство дружелюбной симпатии не бывает устойчивым. Другом становится тот, кто верит им и подыгрывает, врагом — тот, кто разоблачает, или, что самое непереносимое, насмешливо не обращает внимания.

«Прекрасно наши старцы изображают свойство этой болезни, сравнивая ее с луком и чесноком, которые по снятии одного покрова оказываются опять покрытыми другим таким же, и сколько раз не снимай покров, они все оказываются покрытыми. Поношение для славолубивого — жесточайшая рана, и не может он избежать ненависти к поносителю» [Там же. Т. 2, с. 75].

В своей книге «Аксиомы религиозного опыта» русский мыслитель И. Ильин описывает личностей, которым присуще «опустошительное свойство легкомыслия, верхоглядства и эпикурейского снобизма. Такой «знаток» порхает по поверхности, воображая себя обладателем «главного», импонирует другим — обилием несущественной пыли. При этом он живет так, как если бы Главного и Священного вовсе не было, предпочитая удовольствие — духовной радости, ничтожную видимость — безусловной значительности...» [Ильин, 1993].

Хотя развернутые истерические припадки по типу «дуги», непрерывных обмороков или параличей с потерей чувствительности ушли в прошлое медицины, истерикам свойственны особые «душевно-телесные спайки», проявляющиеся склонностью к возникновению в фрустрирующих ситуациях разнообразных вегетативных пароксизмов (спазмы, ощущение удушья, субфебрилитет, головокружение,

тошнота, рвота, трудность дыхания, тремор пальцев рук, онемение конечностей и др.).

В заключение следует отметить действительную незаурядность и частую одаренность этих лиц.

«Тщеславие весьма удобно прививается к естественным дарованиям» [Там же. Т. 2, с. 52].

Случай из практики

Жанна, 22 года, студентка творческого вуза (платное отделение).

Выглядит подростково, что подчеркнуто имиджем — одежда в стиле субкультуры «эмо», ярко — демонически — прорисованные тушью глаза, броский пирсинг ушей и бровей. Держится с мрачным вызовом, заявляя, что «комплекс проблем у нее большой, и ей нужна быстрая и радикальная помощь, иначе произойдет непоправимое». Тут же достает детский блокнотик, откуда зачитывает жалобы: «Быстро отвлекаюсь, если прочту, не задумавшись, страницу, то задумуюсь — отчего в этот раз я ее прочла не задумавшись. Мне постоянно страшно, я все время прокручиваю в голове происходящее со мной, из-за этого становлюсь апатичной. Все время мысли о себе, о смысле того, что делаю. Невозможно подготовиться к семинару. Творческого вдохновения хватает лишь на короткие посты в ЖЖ. А меж тем, в голове столько всего. Вот мне говорят — надо начинать писать с малых форм, страничка, две. А у меня в замыслах всегда большое полотно разворачивается — хочется сразу проникнуть в суть всех идей и всех людей, хочется показать, как страшно болен и искажен этот мир. Издали все кажется таким впечатляющим, но, приближаясь к работе, подходя ближе, я чувствую ступор — не могу сделать даже маленькой зарисовки. Одни кусочки, фрагменты. Как в калейдоскопе — издали узор, а ближе подойдешь — стекляшки».

Рассказывая о себе, упоминает такую особенность, как пристальное внимание к аксессуарам, доходящее до пренебрежения прямым назначением предмета. Так, купив фотоаппарат, более всего умилилась прилагаемой к нему кисточкой — ее стильностью. Далее уверяет, что «ужасно привередлива в выборе вещей, это наказание — для того, чтобы купить что-то из одежды, должно столько всего сойтись». Столь же придирчива в выборе партнеров для общения, так, решение одной знакомой поработать в Макдональдсе вызывает у нее бурную реакцию отторжения — «это же позор, как она этого не понимает». В конце беседы высказывает нечто вроде жизненного кредо — «важно не что, а как».

Психастеническая психопатия / страсть печали

В основе этого патохарактерологического типа лежат феномены тревоги, сомнения и навязчивой фиксации на собственной безопасности.

Позиционирование этой психопатии происходит посредством сопоставления с шизоидным и истерическим полюсами. Они сходны

с шизоидами рефлексирующей сосредоточенностью на себе и малообщительностью, однако отличаются от них искренней теплотой и сочувствием по отношению к окружающим. Они сходны с истериками в озабоченности мнением других о себе, но отличаются полным отсутствием механизма «вытеснения» негативных оценок. Они являют собой полную противоположность возбудимому эпилептоидному полюсу, хотя психоаналитически можно предположить явление гиперкомпенсации, что подтверждается прозорливым святоотеческим указанием.

«Печаль же есть унылость души и бывает следствием гневных помыслов; ибо гнев жаждет отмщения; неуспех же в отмщении порождает печаль» [Добротолюбие, т. 2, с. 253].

Рисуя картину сходных характерологических проявлений, авторы, описавшие этот личностный тип, пользуются различными дефинициями: для П. Жане и П. Ганнушкина это «психастенический», для Гартенберга — *les timides*, для Рибо — *les humbles*, для С. Суханова — «тревожно-мнительный», для Э. Кречмера — «сензитивный», для К. Шнейдера — «Anankasten».

Психастеники лишены базового доверия к себе, у них не существует внутреннего стержня самоидентичности — «Я это Я, и это хорошо». Такого рода «душевная расслабленность» проявляется двумя модусами психастенического бытия.

«Уныния два вида: один ввергает в сон, — а другой гонит из кельи» [Там же. Т. 2, с. 19].

В одном случае мы наблюдаем людей тихих, впечатлительных, робких, боязливых, с явным дефицитом энергии и решительности. Их тревожность приводит к пассивности, ощущению собственной неполноценности, ограничению контактов из страха негативной оценки.

В детстве у них часты разнообразные страхи — высоты, темноты, одиночества, возможности обиды или драки. Они чувствуют себя уверенней с младшими, перед которыми компенсаторно изображают взрослых и сильных. Их жизненный путь характеризуется утрированной «правильностью», дающей им ценой постоянных и напряженных предчувствий худшего варианта развития событий. Они невысокого мнения о своей внешности, им чужда надежда понравиться, часто они ведут себя приниженно, поскольку их необыкновенно страшит перспектива подвергнуться критике или быть отвергнутым. Их жизненные интересы словно притушены, активность снижена, амбициозность отсутствует напрочь. Их интимные отношения блеклые — вследствие ожидания упрёка или насмешки со стороны партнера.

«(В печали) мы не бываем в состоянии принять с обычной приветливостью посещение даже самых дорогих и нужных нам лиц, и что бы ни было ими сказано в подходящем разговоре, почитается нами неуместным и лишним; и не дается им никакого приятного ответа по причине неисполнения всех изгибов сердца нашего желчной горечью» [Там же. Т. 2, с. 65].

Однако со стороны они обычно производят впечатление милых, отзывчивых, доброжелательных людей. Они впечатлительны, застенчивы, конфузливы. Им часто бывает «неудобно», они тушуются, выглядят растерянными и неловкими. Они щепетильны, рабы условностей, обостренно совестливы, сверяя свое поведение с писанными и неписанными правилами. Часто их поведение можно охарактеризовать как «избегающее», хотя в экстремальных ситуациях, повинаясь инстинкту конформизма, они проявляют незаурядную отважность — «от отчаяния».

«Душа не мужается и не переносит с твердостью всякого искушения и всякой скорби, но огорчается, унывает, негодует, тревожится и не радит о подвиге или даже отчаивается, как не имеющая надежды на избавление...» [Там же. Т. 2, с. 412].

Таков симпатичный Пьер Безухов из романа «Война и мир» Л. Толстого, таков милый интеллигент Бузыкин, герой кинокомедии «Осенний марафон».

Иной, ананкастический модус бытия тревожно-мнительной личности предполагает утрированный педантизм в виде неуклонной мелочной аккуратности, бесповоротное следование устоявшимся канонам и скрупулезную ригидность с невозможностью пренебрежения «ни единым Аз» правил, инструкций и формуляров. Им свойственен принципиальный консерватизм убеждений и перфекционизм жизненного стиля с настороженностью к любого рода гедонистическим измерениям жизни.

«Если (печаль) получит возможность обладать нашим сердцем, то пресекает видение Божественного созерцания, и душу всю, низвергнув с высот святого благонастроения, разслабляет в конец и подавляет» [Там же. Т. 2, с. 63].

Извне они выглядят «застегнутыми на все пуговицы», зачастую занудны, бывают «домашними тиранами». Им характерна болезненная приверженность к чистоте и порядку (одна из наших пациенток, например, мыла окна в 3-х комнатной квартире ежедневно). Они напряжены и неизменно корректны, отстраняясь от неформальных отношений. Любая неожиданность ставит их в тупик и зачастую становится источником паники, сопровождающейся нередко вегетативными расстройствами и бессонницей.

«Не та печаль, которая соделоваает покаяние ко спасению несомненно верному, благопокорлива, приветлива, смиренна, кротка, приятна и терпелива... а эта мира сего печаль — крайне ропотливая, нетерпеливая, жесткая, исполненная отталкивающей строптивости, бесплодного горевания и пагубного отчаяния» [Там же. Т. 2, с. 66].

Литературные изображения ананкастов представлены образами «маленьких людей» — чиновника Акакия Акакиевича из повести Н. Гоголя «Шинель» и учителя Беликова из рассказа А. Чехова «Человек в футляре».

Данный тип личностной дисгармонии часто приводит к манифестации невротических проявлений в виде «навязчивых состояний» или обсессивно-компульсивных расстройств.

Случай из практики (интернет-консультирование)

Клиентка (в письме): «Моя проблема заключается в том, что я панически боюсь всего нового из-за страха потерпеть неудачу. И не просто боюсь, я заранее думаю, что не справлюсь с новым проектом, заданием, работой, что не успею сдать работу в намеченный срок. Когда на работе мне приходится начинать новый проект, мое самое большое желание — спрятаться, заболеть. У меня начинается паника, иногда я действительно беру на несколько дней больничный. Причем я не могу вспомнить случай, когда действительно не справилась с чем-нибудь, наоборот, все мои проекты были доведены до конца и признаны довольно успешными. Но этот страх просто отравляет мне жизнь. Я никогда не являюсь инициатором чего-то нового, никогда не могу сказать: «Я хочу сделать это, доверьте это мне, я с этим справлюсь». Наоборот, если меня спрашивают, смогу ли я это сделать, я говорю, что не знаю, что мне надо проверить, а внутренний голос сразу же говорит: «Ты же этого совершенно не знаешь. А что будет, если не сможешь? Все узнают, что ты полный ноль». В результате я произвожу впечатление пассивного, неуверенного в себе человека. Обращаюсь к Вам за советом: как приобрести уверенность в себе и перестать бояться неудач. Понимаю, что мой вопрос слишком обширен, но думаю, у вас найдется пара конкретных советов, как помочь себе в подобных ситуациях. Большое спасибо. Инна».

Терапевт (в ответном письме): «Хорошо, что Вы обратились к нам, это означает уже то, что Вы не миритесь с этой действительно серьезной проблемой, пытаетесь выйти на качественно более высокий уровень жизни. Для начала, поразмышляйте вот о чем. Бывает, что мы наделяем себя убеждением в том, что мы должны делать все первоклассно, быть во всем компетентными. Это держит нас в постоянном напряжении и приводит к вполне понятному истощению. В христианской духовности есть мудрый принцип «От нас — усилие, от Бога — результат». Итак, почему бы и не пережить небольшой опыт релаксации, отпуская события «на самотек». Ведь птица летит, не задумываясь о том, когда взмахивать правым, а когда левым крылом. Если мужчина задумается о своей эрекции, вероятнее всего, она пропадет. Высокое искусство жизни

в том числе включает и такое — чтобы как можно больше происходящего с нами осуществлялось «на автопилоте». Итак, пожалейте себя, поступите временным успехом, достигаемым ценой «сжатых в усилие зубов». Работайте грациозно, словно танцуете... Что Вы об этом думаете? Искренне, док» [Цит. по: Белорусов, 2007, с. 292].

Эпилептоидная психопатия /страсть гнева

Впервые такие особенности устройства личности были описаны как характерные для страдающих эпилептической болезнью. Э. Крепелин описывает таких личностей под названием «возбудимые психопаты», насчитывая их количество в размере трети от всех типов психопатий. К. Шнайдер называет их «эксплозивными», другие исследователи определяют как «импульсивных» или «жестоконравных» — «violent temper». В более поздних классификациях сходные личностные типы именуются «диссоциальными».

Клиническую картину данной психопатии обуславливает сочетание двух интрапсихических процессов: напряженно-тягучего накопления аффекта и эмоциональной взрывчатости.

«Сварливый и злонаправный никогда не успокоится. Кто обличаемый в пороке молчит, тот скрывает в сердце своем памятозлобие» [Добролюбов, т. 2, с. 403].

В раннем возрасте они обыкновенно беспокойны, порой избыточно подвижны, невнимательны, отвлекаемы, склонны к шалостям и нередко отличаются особой жестокостью в отношении младших детей или животных. Порой они угрюмы, завистливы и злопамятны. В юности проявляют стремление к деспотичному и неуживчивому лидерству, устанавливая свои вздорные порядки. Им свойственна эмоциональная тупость, самодовольство, твердая уверенность в своей правоте. Неодобрение со стороны окружающих расценивается как проявление несправедливости, что роднит их с паранойяльным психопатическим полюсом и противопоставляет психастеническому. Нередкое употребление спиртного для снятия внутреннего напряжения сочетается с плохой переносимостью алкоголя. Опынение становится триггером ярости, когда они дерутся, крушат все вокруг, обретая посредством этого подобие душевного комфорта.

«Гнев есть припоминание сокровенной ненависти. Вспльчивость есть мгновенное возгорание сердца... Ярость есть осрамление души» [Там же. Т. 2, с. 531].

При знакомстве они производят впечатление неторопливых, обстоятельных людей, со склонностью к застреванию на мелочах, долгову

пережевыванию обид. Сближение с ними выявляет их недоверчивость, придирчивость, подозрительность, скарденность. Им свойственна защита в виде подчеркнутой сентиментальности, елейности, лъстивости, угодливости, слащавости, нередко ханжества. Подобные типажи часты в классической литературе, с одной стороны, это чванливые, невежественные, деспотичные, своенравные самодуры — Тартюф, Скалозуб, с другой — негативистичные, упрямые, завистливые, ворчливые скряги — Иудушка Головлев, Смердяков. И здесь, и там характерно лицемерие, бытовой деспотизм, скопидомство и склонность к занудным поучениям.

«От ненависти и памятозлобия рождается злословие — тонкий недуг, скрытая пьявица, высасывающая кровь души» [Там же. Т. 2, с. 535].

Многолетнее вынашивание обид сопровождается тщательно продумываемыми мстительными проектами и нередко заканчивается неожиданным для окружающих, а порой и для самого эпилептоида, взрывом ярости. Разрядка может сопровождаться действительным сужением сознания. Иногда повод к раздражению не соответствует выраженности реакции — ему наступают случайно на ногу, а он, не помня себя от захлестнувшего гнева, убивает обидчика. Легкость возникновения агрессивных актов обуславливает распространенность такого рода личностей и стереотипов поведения в криминальной среде. Здесь нередок аффективно заряженный, не без самолюбования, драматизм (рубаху рвануть на груди), аутоагрессия в виде самоповреждений. Уровень рефлексии, коррелируя с интеллектом, достаточно низок.

«Он (гнев) ослепляет очи сердца и, налагая покров на остроту умного зрения, не дает видеть Солнца. Под солнцем можно понимать разум... и под запрещением гнева видеть заповедь не погашать сего светила страстью гнева; чтобы с захождением его не занял всего сердца нашего мрак бурного смятения» [Там же. Т. 2, с. 56].

Характерна повышенная сексуальность в диапазоне от похотливо-слонявого сладострастия до мрачных, садистически-жестоких эксцесов. Нередко эротические переживания сублимируются в свойственную этим личностям набожность, окрашивая то, что воспринимается ими как духовность, в мистическо-сентиментальные или экстатичные тона. Показательна здесь личность «грозного» государя Иоанна IV, с его поведенческими перепадами от гомицида до пароксизмов раскаяния, имитирующих аскетические практики.

Подобно ушедшим в прошлое большим истерическим припадкам, ныне яркая эпилептоидия встречается редко в цивилизованном

обществе. Но подобное нравственное устроение, характеризующееся мелочной регламентацией, неспособностью к компромиссам, мертвящим эмоциональным насилием, можно разглядеть, например, в некоторых брачных объявлениях на Интернет-сайтах:

«Очень надеюсь с Божьей помощью встретить девушку из Москвы или Подмосковья, скромную, порядочную, добрую, честную, верную, уставшую от одиночества и ИСКРЕННО стремящуюся выйти замуж за ЛЮБИМОГО и ЕДИНСТВЕННОГО человека и иметь крепкую семью и детей. Надеюсь найти православную девушку, которая НЕ приемлет образ жизни современной молодежи, но при этом не заиклена на ежедневном посещении церкви, а стремится к овладению полезной (не для нее самой, а для других) профессией, которая ей самой интересна. Главным для нее должно являться воспитание детей, любовь к Родине и стремление к своему духовному и интеллектуальному развитию.

Буду очень рад письму от девушки, обладающей перечисленными качествами. Но я ОДНОЗНАЧНО и независимо от КАКИХ УГОДНО дополнительных обстоятельств откажусь от создания семьи с девушкой, обладающей ЛЮБЫМ из таких качеств:

а) уже состоявшей в браке или нецеломудренных (блудных) отношениях;

б) посещающей или ранее посещавшей дискотеки, ночные клубы, курорты и иные подобного рода места;

в) употребляющей или ранее употреблявшей алкоголь, табак или наркотики;

г) обладающей МОДНОЙ профессией или стремящейся к ее получению;

д) лишенной чувства ответственности, желающей создать семью для развлечений и удовлетворения своих эгоистических потребностей;

е) одновременно общающейся с несколькими молодыми людьми, которых она называет «своими друзьями». (Я считаю неприемлемым общаться одновременно с несколькими девушками по моральным соображениям (даже с целью дружбы). У меня подруг нет).

Также просьба к девушкам, рост или вес которых значительно превышают мои, не писать мне — я абсолютно ни в чем их не обвиняю, но, тем не менее, считаю ДЛЯ СЕБЯ невозможным создание с ними семьи.

Я составил такой список не для собственного удовольствия и не из желания придираться к чему-либо. Создание семьи — очень важная задача, и я подхожу к ней серьезно и ответственно. Не думаю, что это плохо. И я требую столько же, сколько от себя. Я не супермен и не гордый — я самый обычный человек, который просто определил для себя моральные принципы и полон решимости следовать им в жизни. Боюсь, что это сейчас редкость».

Какая-то искушенная в психологии девушка приписала ответ: «Молодец какой, все сразу про себя и написал. Сразу на фиг. Микс сусального благочестия с гиперсоциальностью. А на эпилептоида очень похоже».

Паранойяльная психопатия / страсть сребролюбия (корыстолюбия)

Этот психопатический тип имеет синонимы: застревающие, фанатичные, кверулянтные личности.

Топически располагаясь между шизоидным и эпилептоидным полюсами личностных девиаций, он объединяется с шизоидией тенденцией к возникновению убедительных для данной личности неадекватных представлений об окружающем мире («паранойя» с греч. — «ино-знание», убежденность вопреки реальности). С эпилептоидными личностями его роднит постоянная внутренняя напряженность, подозрительность, преобладание негативного восприятия мира — угрюмость, завистливость, подозрительность.

Психологическим механизмом, лежащим в основе этого типа, является застревание на деталях, выхватывание частности из контекста и придание ей самодовлеющего значения. Находясь в диаметральной противоположности «неустойчивому» полюсу, этот тип демонстрирует гипертрофию воли, направленной в предельно узкое русло доминирующих убеждений. Установление неоспоримых для них истин происходит посредством непроизвольного нагнетания аффективного напряжения. Идея (или, по сути, идол) захватывает всю их личность, с ними бесполезно спорить: не поддерживающий их убеждений человек — «либо дурак, либо враг».

Они недоверчивы, въедливы, своенравны, «себе на уме», капризны, упрямы и, при этом, неумны, хотя бывают хитры и изворотливы. Иногда свойственная им узость и ограниченность приводит к возможности манипулирования ими. Проявляя настойчивость в чем-то одном, они наивны и легковверны в другом, а точнее, безразличны ко всему остальному, так что легко могут быть обмануты. Они составляют костяк сект, культов, политических движений, так что К. Шнайдер именует их «вялыми фанатиками», «вялыми» потому, что не они, а более креативные личности шизоидного или истероидного типа обычно предлагают идею, а они становятся некритичными ее последователями.

Огромная часть их жизни сводится к борьбе с «недоброжелателями». Суть их активности определяется нанесенным им ущербом. Например, если он ревнивец — ему недодали верности; если он изобретатель — его лишили признания; если он сутяга и кверулянт — его обходят справедливостью. Именно этот комплекс «дефицита сверхнеобходимого» дает нам основание предположить здесь корреляцию со страстью корыстолюбия.

«Эта страсть, если улучит власть над малодушною и холодною душою монаха, то сначала побуждает его к малому стяжанию, во впечатлительных картинах описывая ему некоторые, будто справедливые и разумные причины, по коим ему необходимо, или уберечь для себя несколько денег при отречении от мира, или приобрести после того. Того, жалуется она, что дается в монастыре, недостаточно, и едва сносно для здорового и крепкого тела. Что будешь делать, если приключится телесная болезнь, а у тебя не будет припрятано что-нибудь на случай, чем бы пособить себе в немощи? Когда такими помыслами опутает ум свой монах, тогда начинает придумывать, как бы приобрести хоть один динарий; и с этою целью прищивает какую-либо частную работу, которую и исполняет со всюю заботливостью, без ведома Аввы своего. Продав ее потом тайно и получив желанную монету, в страхе за нее суетится он и хлопочет, где бы ее положить, или чьему бы хранению ее вверить; а между тем уже начала точить его еще острейшая забота, как бы удвоить эту монету, — и он напряженно строит важные планы, что бы такое купить на нее, и какой бы с нею употребить для сего оборот. Когда же и это удастся ему, по его желанию, тогда у него возникает жаднейшая алчба золота, которая затем все тем сильнее и сильнее разгорается, чем большее количество прибыли получается: ибо с умножением денег увеличивается и неистовство страсти к ним. Приходят далее и другие заботливые помышления: обещается долгая жизнь, преклонная старость, немощи разные и продолжительные, которых в старости и перенести не будет возможности, если в ранние лета не заготовишь побольше денег. Коль скоро блеснет какая либо надежда на получение денег, — тут душа ничем уже не дорожит: из-за нее она не погнушается ни ложью, ни клятвopеcтyплeниeм, ни воровством, ни нарушением верности. Словом, — золото и чаяние корысти во всем бывает для нее богом, как для иных чрево» [Добротолюбие, т. 2, с. 45].

Среди характеристик «Параноидного расстройства личности F60.0» по МКБ-10 упомянуты:

- а) чрезмерная чувствительность к неудачам и отказам;
- б) тенденция постоянно быть недовольным кем-то, то есть отказ прощать оскорбления, причинение ущерба и отношение свысока;
- в) подозрительность и общая тенденция к искажению фактов путем неверного истолкования нейтральных или дружеских действий других людей в качестве враждебных или презрительных;
- г) воинственно-щепетильное отношение к вопросам, связанным с правами личности, что не соответствует фактической ситуации;
- д) тенденция к переживанию своей повышенной значимости, что проявляется постоянным отнесением происходящего на свой счет;
- е) охваченность толкованиями событий, происходящих с данной личностью или, по большому счету, в мире, с позиции «теории заговора».

«В детстве служат забавой кости, шары и подобное, — и дети бывают к тому пристрастны, пока не придут в совершенный возраст. Когда же

сделается кто мужем, бросает все сие, и со всем усердием занимается делами важными. Как срамно глядеть, когда совершенный муж сидит на куче золы и чертит на пепле детские забавы; так срамно, или гораздо срамнее, видеть, что имеющие в виду наслаждение вечными благами роются в прахе земных вещей, и несообразностью таких поступков срамят достоинство обета, ослепляясь блеском того, что здесь (в миру) почитается досточестным» [Там же. Т 2, с. 81].

Наряду со «сверх-бдительностью» в одном узком направлении, у них наблюдается качество, обозначенное мыслителем Л.Н. Гумилевым «моральной упругостью», то есть необыкновенное равнодушие к страданиям, в том числе и собственным, к объективно тяжелым болезням. У них отсутствует тревожность в этом отношении, они безразличны к смерти, что иногда принимается за самообладание перед лицом опасности.

Их поведение просчитывается последовательно и практически необратимо. Вот иллюстрация из «Древнего Патерика» (1899):

«Когда авва Арсений жил в скиту, был там монах, который крал домашние вещи у старцев. Авва Арсений взял его к себе в келью, желая исправить его, и успокоить старцев. Он говорит ему: «Чего ты ни пожелаешь, я все тебе дам, только не кради». И дал ему золота, денег, одежды и все, что нужно было для него. Но монах, ушедши от него, опять стал воровать. Старцы, видя, что он не перестал воровать, изнали его, сказав: «Если найдется брат, имеющий какие-либо грехи слабости, такового должно терпеть; но если кто будет красть и, будучи вразумляем, не оставит сего, то должно изгонять его; ибо он и душу свою губит, и беспокоит всех живущих в том месте».

Св. Василий Великий так описывает эту страсть, приводящую к безумию:

«Во всем видишь золото, везде представляешь золото; о нем гредишь и во сне, о нем думаешь и во время бодрствования. Как сумасшедшие, в припадке бешенства, не действительные видят вещи, но представляют, что производит в них болезнь, так и у тебя душа, одержимая сребролюбием, во всем видит золото, во всем видит серебро. Приятнее тебе смотреть на золото, нежели на солнце. Ты желал бы, чтоб все превратилось в золотой состав, и, как только можно, придумываешь к тому способы. Чего не приводишь в движение ради золота? Хлеб у тебя делается золотом, вино сседается в золото, и шерсть обращается у тебя в золото; всякий торговый оборот, всякая выдумка приносят тебе золото. Золото само себя рождает, размножаясь чрез рост; в тебе нет сытости, не видно конца пожеланию. Детям, когда они жадны, не редко позволяем без меры есть, что они особенно любят, чтоб излишним пресыщением произвести отвращение; но не таков корыстолюбец: чем более он пресыщен, тем большего желает» [Св. Василий Великий, 1858].

Метки здесь также выводы философа И. Ильина: «Такова религиозно-разрушительная природа болезненной подозрительности. Здесь пошлость возникает из потребности видеть зло в людях и принимать его за существенное. Тот, кто потакает этой потребности в самом себе, тот постепенно теряет любовь к людям и утверждает в воле — не видеть их духовности и доброты, принимать их слабость в добре за силу во зле и наслаждаться всеобщим опорочением. Такой человек начинает с тайного презрения к себе и переносит его на других [Ильин, 1993].

Неустойчивая психопатия / страсть блуда

Неустойчивые, они же незрелые, безвольные, безудержные или ювенильные психопаты, топологически располагаясь между истерическими и психастеническими личностями, от первых заимствуют легкость смены обличий, причем не напускную, а от вторых — душевную хрупкость, склонность к эмоциональному резонансу. Психологически данный тип демонстрирует недоразвитие волевых механизмов.

«Ударами волн бросается туда и сюда не нагруженный корабль, а блудным помыслом — невоздержный ум» [Добролюбов, т. 2, с. 234].

Они неспособны к последовательной, длительной, целеустремленной деятельности. Непостоянство их стиля жизни проявляется частой сменой увлечений, мировоззрений, ценностей, установок, занятий и профессий. Их безудержность проявляется тенденцией к поиску все новых наслаждений. Их характеризует полное отсутствие сопротивления среде, дефицит порядочности и благородной брезгливости. Один из наших пациентов, например, сменивший на протяжении года профессии санитаря морга, контролера общественного транспорта, грузчика в винном отделе, живет на содержании женщины, работающей уборщицей, вдвое старше его и с тремя детьми, и является на прием с постоянными синяками на лице.

Основанием для корреляции этого типа психопатии со страстью блуда является не столько похотливость, кстати, вовсе не определяющая его сущность, но скорее бесцельное «блуждание». Это разнузданные, безалаберные, ветреные, азартные, бездумные, продажные, бесшабашные люди, склонные к грубому гедонизму, лишенному всякого намека на эстетизм.

«Удерживайся, брат, от шуток, чтобы не сделали они тебя безстыдным, безстыдство же есть мать непотребства» [Там же. Т. 2, с. 385].

Типичным является отрицательное воздействие на них антисоциальной среды. Их всегда можно встретить в воровских шайках и

тусовках фанатов и гопников. При невозможности возникновения глубоких чувств и сильных привязанностей, они быстро перенимают как хорошее, так и дурное (второе проще), и быстро осваиваются на подчиненных ролях в любом обществе. Отсутствие внутреннего волевого стержня быстро приводит к социальной деградации. По некоторым данным, личности с чертами неустойчивости составляют до 50% алкоголиков и до 70% наркоманов.

«Для борьбы с духом блуда не только от всякой запрещенной пищи, пьянства и нетрезвости воздерживаться, но и от бездействия, праздности, лени, стараясь постоянным упражнением и вниканием в дело и силы свои развить, и умение приобрести» [Там же. Т. 2, с. 36].

Замечено, что в социально благоприятных условиях, при вовлечении в дисциплинарную структуру армейских или монастырских укладов у таких людей, в отличие от представителей других типов психопатий, происходит личностная гармонизация посредством упорядочивания внешних форм поведения.

Пренебрежение предписаниями, порядками и правилами для них характерно с детства. Они могут выкинуть на спор любую глупость. Они нередко одарены интеллектуально, но в силу постоянных нарушений поведения редко получают хорошее образование. Оставаясь вечными неусидчивыми «инфантилами», они способны войти в историю поэзии, иногда короткой прозы, но написать многоплановый роман или сложную симфонию им не под силу. Они лишены вкуса к лидерству, не стремятся к власти, не упиваются успехом. Подобно истерикам, они зависимы от оценки со стороны, но если первые сами ее формируют, то неустойчивые пассивно усваивают представление, навязанное им извне. Менее всего они способны сознательно формировать о себе мнение окружающих или противостоять таковому.

«Не думай низложить беса блуда возражениями и доказательствами, так как он воюет с нами с помощью нашего естества» [Там же. Т. 2, с. 521].

У них крайне аморфные представления о добре и зле, они могут как отдать, так и забрать последнее. Им не знаком самоанализ вообще и раскаяние в частности. Они беззлобные хулиганы — «я московский озорной гуляка» (С. Есенин), а порой — «романтики с большой дороги». Действуя импульсивно, они легко прибегают к насилию или становятся его жертвами.

«Привычка к послаблению никогда не даст тебе приобрести строгость» [Там же. Т.2, с. 385].

Напрочь безответственные по отношению к себе, они не глубоко привязаны к близким. Быстро привязываясь, они не выносят повседневной рутины семейных отношений, их браки быстро распадаются, к своим детям они относятся с той же неглубокой симпатией, что и к приемным, легко прощаясь навсегда и с теми, и с другими. Их потребность во внешних острых жизненных раздражителях высока, и противостояние соблазну испытать нечто новое — от дельтапланеризма до гомосексуализма — невозможно.

«Если страсть похотная при обращении с женщинами будет покойна, не верь обещаемому ею безстрастию. Ибо и пес, окруженный толпой, машет хвостом, но, когда выйдет из ней, тотчас показывает свойственную ему лютость» [Там же. Т. 2, с. 235].

Случай из практики

Виктор, 23 года, не работает. В кабинет психотерапевта входит с матерью, которая принимает на себя функции лидера, первая отвечает на вопросы врача, корректирует и уточняет ответы сына. На вопрос, почему она это делает, отвечает: «Ну как же, я врач. Я понимаю, насколько для вас важна точность информации. И часто пациенты не понимают советов врача. Другим не повезло, что у них родные не врачи. На прием с близким надо обязательно ходить. Так лучше. Вообще я почти каждый час звоню сыну, не случилось ли с ним чего».

Они приходят по направлению от кардиолога — парня беспокоит повышение АД, возникающее при нагрузках в спортзале и во время сексуальных эпизодов. О последних он рассказывает, не смущаясь, в присутствии матери. Вообще, кажется, чувство стыда, смущения ему не знакомо. Кардиологической патологии не выявлено, абсолютно здоров, направлен к психотерапевту, хотя никаких жалоб, собственно, нет. «Я с детства рос так, что делал только то, что интересно. Если чем увлекусь, могу ночь не спать. Вот как вчера. Тогда и давление вроде повысилось от интенсивного ОБМЫСЛИВАНИЯ. Видел по телевизору передачу про Египетские пирамиды — не мог оторваться. Почему? Ну, там говорили, что они даже старше того возраста, который им приписывают. Я этого понять не могу, но об этом надо подумать. Я вообще часто задаю философскими размышлениями и очень выматываюсь из-за этого. Поэтому сегодня только в час дня и встал. Вообще, если что увлечет, оторваться не могу, но обычную рутину делаю очень медленно и весь утомленный. С первых классов школы так было, что прихожу домой и до вечера тупо смотрю сериалы. Уроки заставить себя делать не мог. Потом вдруг вспомню про компьютерные игры и всю ночь играю, утром идти в школу нет сил. Я и симулирую, что болен. Учиться было скучно. Я сразу начинаю опаздывать и прогуливать. С работой то же самое. Когда я сплю, меня пробудить невозможно. Я все время переставляю будильник еще на пять минут подремать, и так по десять или двадцать раз он звонит. Так много раз просыпал, и важные встречи, и просто, когда пообещал. Когда

я хочу спать и вообще когда что-нибудь хочу, мне уже не важно, с кем я о чем договорился. На работу устраивает мама. Я долго искать что-либо не могу. Начинаю, вроде получается, но быстро становится скучно. А когда начинают требовать — так невыносимо. Я не беспокоюсь о будущем. Ну, когда-нибудь доучусь, уже из четырех вузов отчислен, платила тоже мама, но в каждом по курсу отучился. Был период в жизни, когда появились неправильные друзья. Ну, наркотики там, травка, амфетамины. Но мама попросила — бросил. С тех пор даже не курю. Отвыкание далось очень легко. Могу быстро привыкнуть и без мучений бросить. От армии освобожден по заиканию. Да, оно сейчас совсем незаметно. Раньше было. Еще в школе познакомился с парнем, который сильно заикался, как-то пожалел его, ну и стал тоже заикаться. Потом быстро прошло. Вместо учебы мне интереснее пойти на тренинг «пикапа». Раньше я не знал, как подойти к девочке. А тут все так просто. У меня получается. И теперь прямо очередь стоит. У меня всегда три девушки — одна, с которой настоящий роман, другая — предыдущая, с ней тоже иногда сексом занимаемся, и на горизонте всегда есть следующая. Это прикольно, меня пока так устраивает, здесь ничего менять не хочу. Но совершенно не могу обращаться с деньгами. Ни себе, никому ни в чем не отказываю. Они так быстро разлетаются. Хотя особых потребностей нет. И особенных желаний тоже. Ну, с друзьями выпили, они конечно больше, я вообще пью немного, мне и так нормально. Ни о чем не мечтаю. Ну что, все есть, машину нормальную среднюю мама купила, надо будет — еще купит, а мне пока не надо. Ни о чем особо не мечтаю. Бывает, заморачиваюсь на «мировых» проблемах, философствую. Нет, историю, литературу, географию знаю слабо. Это все скучно. Но если что-то зацепит, я не успокоюсь. Вот знал, что надо вставать раньше, но если фильм нравится, выключить не могу. Так что когда интересно — я весь как заведенный, а когда неинтересно, я вял. Да, когда мать наезжает, бываю раздражителен, но без нее наверное бы пропал. В общем, менять в себе ничего не собираюсь. А зачем?»

Психотерапевт объясняет матери, что она играет роль внешнего скелета, чего-то вроде хитинового покрова у насекомых, в то время как у существ, стоящих выше на эволюционной лестнице, — внутренний скелет, а тут у парня нет стержня, парень внутри — аморфное дрожащее желе. Однако, выслушивая это в присутствии сына, она смотрит на него, любясь, себе в заслугу ставит то, что «спасла» его от наркотиков, и находит все основания полагать, что он нуждается в дальнейшем присмотре, потому что «с детства мальчик несамостоятельный, точь-в-точь как отец, который у нас тряпка, — как скажешь ему, так и сделает, я одна двоих ташу, они без меня пропадут».

Гипертимическая психопатия / страсть чревоугодия

Вновь вернемся к топонимике нашей таблицы характерологических девиаций. Известно, что Э. Кречмер, противопоставляя циклоидов шизоидам, рассматривал первых в виде единого кластера, отмечая присущую им «отзывчивую эмоциональность, душевность, добро-

сердечность, чувственность, естественность до стремления слияния со средой». Натуры такого рода также описаны как «сангвинические» или «синтонные». П.Б. Ганнушкин, однако, разделяет «циклоидов» и «конституционально возбужденных» (не возбудимых, последний термин относится к эпилептоидам). В нашей таблице два полюса «аффективных» типов психопатий (гипертимной и гипотимной) составляют крест с двумя полюсами «волевых» психопатий (паранойальной и неустойчивой).

Приступая к рассмотрению гипертимного характера, следует выделить его основную характеристику — повышенное субъективное ощущение удовлетворения всеми проявлениями жизни, особая витальность, несущая грубовато приземленные черты (гипер — повышенный, тимос в данном контексте — аффективная составляющая личности). У гипертимных личностей преобладает оптимистичное настроение, им незнакомы тревожность, обидчивость, мучительная рефлексия. Они «толстокожи», легки в общении, склонны к реакциям возбуждения — вплоть до гнева, столь же шумного, сколь и быстро преходящего. Они любят простые и разнообразные удовольствия, и не склонны ни к «зависаниям» на чем-то, ни зависимостям от чего бы то ни было.

Автор трудов по христианской антропологии А. Позов пишет: «Зачинающей силой и прямым источником страсти является, по древне-церковной антропологии, вождевательная или желательная часть индивидуальной души, эпитимия. В своей первоизданной сущности она была естественным и разумным вождением или влечением к удовлетворению потребностей организма, а стала неразумным, автономным влечением к наслаждению миром и мирскими объектами. Отсюда — три помышления эпитимии: чревоугодие, тщеславие и сребролюбие, но в основе всех страстей лежит самолюбие или себялюбие (филаватия) как извращенный эрос эпитимии» [Позов, 1965].

Гипертимные личности энергичны, предприимчивы, охочи до дел и новых начинаний, неутомимы, целиком и без жалоб выкладываясь как в работе, так и на пиру. Они лишены комплексов, часто бестактны, щедры до расточительности, инициативны, но не всегда усидчивы, так как педантичная кропотливость чужда их бурлящей натуре. Остроумны, непостоянны, в суждениях довольно поверхностны, в случаях неприятностей изворотливы и не склонны роптать на судьбу.

«Страсти чревоугодия свойственны лень, многословие, дерзость, смехотворство, кощунство, прекословие, жестоковейность, непослушание, нечувствие, пленение ума, самохвальство, высокомерная и безумная само-

надеянность, любовь к миру, а за всем этим следует отчаяние — самая лютая из всех страстей» [Добротолюбие, т. 2, с. 519].

Это преисполненные брызжущим весельем, нередко грубовато-фамильярные люди. Это — обжора, любитель застоля и сальных шуток шекспировский Фальстаф. Это — задиристый, вспльчивый, но быстро забывающий любые обиды бахвал гоголевский Ноздрев. Это — зажиточный нормандский крестьянин Кола Брюньон Р. Роллана, благоговейший перед «мясистыми радостями». Это — грек Зорба Н. Казандзакиса, который не боится ада и не хочет в рай, а просто танцует, переполняемый изнутри неопишущим в словах буйством плоти, даже перед гробиком сына, потому что: «Что тут скажешь? Он живет от момента к моменту, наслаждаясь простыми вещами — едой, вином, женщинами. После целого дня изнурительной работы он часами танцует сиртаки на берегу моря».

«Ум, подавленный бременем яств не бывает ... силен ... править кормилом рассуждения. Излишество ... делает его шатким и колеблющимся» [Там же. Т. 2, с. 21].

Они отвлекаемы, нетерпеливы, нередко склонны к авантюризму. Это веселые попутчики из тех, кого называют «душа компании», нередко тянет выговориться им, но в ответ встречаешь поверхностность и полное непонимание того, как у людей могут возникать какие-то проблемы. Подобно своим антиподам — гипотимикам, они плохие работники, но, в отличие от них, из-за разбросанности, беспечности, тенденции ввязываться в рискованные дела и ситуации, из которых, обычно, выходят без неприятностей и неунывающими.

«Чревоугодию паче всего сродственно сладострастное движение, неутолимая работа и нескончаемая суетность без меры» [Там же. Т. 2, с. 233].

В заключение следует отметить, что духовные составляющие человеческого бытия, мировоззренческие проблемы, лишённые практического значения, оказываются совершенно недоступными для их сугубо прагматичной системы мотиваций. Обычно приветливые, сострадательные, участливые, здесь они выказывают либо скуку, либо цинизм.

«Жизнь сытная, в довольстве, погружает ум в глубокое усыпление» [Там же. Т. 2, с. 230].

«Как тучные птицы не могут высоко летать, так и угрожающему своей плоти невозможно взойти на небо» [Там же. Т. 2, с. 519].

«Не только качество пищи, но и количество расслабляет душу, возжигая в ней вредоносный греховный огонь» [Там же. Т. 2, с. 21].

«Множество дров разжигает великий пламень, а множество снедей питает похоть» [Там же. Т. 2, с. 230].

«Скучно питаемое тело — добре обезжженный конь, не рвется из рук возседающего на нем помысла, не ржет, как делает, будучи движимо страстным порывом» [Там же. Т. 2, с. 232].

Случай из практики

Клиентка входит в кабинет, прихрамывая, в руках — изящная трость, и пространства в кабинете как-то становится меньше из-за ее шумливых повадок, громкого голоса, экспансивных манер, озорного взгляда. Ее жалобы поначалу стандартны, мол, «ем себя поедом, срываюсь, извожу близких». Затем происходит следующий диалог.

Клиентка: Да, год выдался тяжелый. Ну что вы хотите — я перенесла пять онкологических операций. Верите ли, у меня нет стопы. А хотите, я покажу руку — там содрана вся кожа, брали лоскут для культы. Ну, и как я могу себя чувствовать? Ни маечку надеть, ни в теннис поиграть. А я такая спортивная. Но работу я не прекращала ни на минуту. Я занимаюсь оптовыми закупками и продажами. Из-за болезни пришлось перенести компьютер с работы домой. Работаю по 9 часов в день. Мое единственное спасение. Но как обидны эти шуточки коллег. И возмутительны. Они считают меня инвалидом. Но я докажу, что многое могу. Прорвусь даже на костылях. Не опускаюсь — всегда косметика, макияж. Знаете, меня даже в подъезде называют «серым кардиналом». В смысле, ни одно общественное дело без меня не происходит — лампочки там поменять, мусор во дворе убрать. А еще я очень коммуникабельна. Вот и в больничной палате все приободряла одну бабульку, жаль она быстро умерла, выходит, зря я ее дергала.

Терапевт: А есть ли у вас подруги?

Клиентка: Вот тут в точку. Вообще-то нет. Может быть, потому что я очень высокие требования предъявляю, сама готова расшибиться в лепешку и обижаюсь, когда не встречаю такого же рвения с их стороны. А вообще я очень взрывная. Обидеть меня — раз плюнуть. Чуть что не так... Не умею прощать мелочей.

Терапевт: А теперь рассудим. Уж что-что, а энергии у вас хватает. А вот рассудительности? Все вещи делятся на две категории — те, что мы можем изменить, и те, что нет. Ваша энергия буквально бьется о невозможные вещи и, не находя себе выхода, прокисает внутри, превращаясь в бесплодное самоедство. Попробуйте найти для нее достойный вас выход.

Клиентка: Хобби, что ли?

Терапевт: Давайте назовем это по-другому, ведь хобби — это по определению что-то несерьезное, довесок, закуска. А ведь вы герой.

Клиентка: Теперь и вы издеваетесь.

Терапевт: Нет. По сути, что отличает вас от летчика Мересьева? То же стремление к полноте жизни, то же отрицание болезни. Но пусть оно будет осмысленным и сопряжено с принятием неизбежного. Вы мыслите рационально, и вот вам первое упражнение: как только почувствуете

импульс к досаде внутрь или вовне — воспримите это как выброс энергии, стремящейся к действию, порыв ветра, и, для того, чтобы он не превратился в бурю, заградите его лопастями полезного труда — будьте мельницей, а не смерчем. А знаете, как писал Василий Великий в IV веке: «Негодование должно быть растворено рассудительностью. Одни, действуя ножом по гневу и жестокости, совершают им дела самые безрассудные, другие, рассудительно пользуясь им, спасают жизни себе подобных. Так, умеющий негодовать с разумом делает великую пользу, исправляя леность или лукавство, а одержимый страстью гнева не производит ничего здорового» [Цит. по: Белорусов, 2007, с. 205].

Гипотимическая психопатия / страсть уныния

В этом разделе нам предстоит описать не только антипод предыдущего варианта циклоида, но и несколько иных характерологических акцентуаций, объединенных общим психологическим механизмом, — затруднением получения полноценного удовлетворения от самого процесса жизнедеятельности.

Гипотимический или конституционально депрессивный психопатический тип предполагает постоянно сниженное настроение и пессимистическую картину мира. Такие личности необыкновенно чувствительны к негативным сторонам жизни и всегда ожидают худшего, их девизом могло бы стать традиционное приветствие штурмана Зеленого из мультфильма «Тайна третьей планеты»: «Ну, что у нас плохого?». Их движения плавно замедленны, их реакции заторможены, им думается с трудом, хотя они вовсе неглупы. Это люди, не умеющие радоваться. Они могут быть унылы, флегматичны, меланхоличны или добродушно-ворчливы.

«Скука есть тоска сердечная. Она сродна печали» [Добротолубие, т. 2, с. 67].

«Душа дремлет в это время, действительно засыпает для всякого стремления к добродетели и наблюдения за своими духовными чувствами» [Там же. Т. 2, с. 69].

Они могут выглядеть грустными, угрюмыми или трусливыми, но можно ожидать, что за этим фасадом скрывается способность к состраданию, эмоциональному резонансу. Характерна как отзывчивость по отношению к другим, так и рефлексия, проявляющаяся копанием в собственной «израненной душе». Иногда с этими людьми тепло и приятно, бывает, что они вызывают жалостливую симпатию, а случается, они утомляют рассеянностью, озабоченностью своими бесчисленными проблемами и расстройствами и никогда не воплощаемыми проектами изменить свою жизнь.

«Дух уныния нас разленивает, от дел отбивает и к праздности приучает»
[Там же. Т. 2, с. 70].

«Легкий ветерок наклоняет слабое растение, и мысль о странствовании легко увлекает унылого» [Там же. Т. 2, с. 257].

Сюда мы отнесем МКБ-категорию F60.6 «Избегающее расстройство личности». Как явствует из названия, наиболее характерным поведенческим паттерном этой группы является избегание, то есть непринятие на себя самого простого обязательства в жизни — просто быть. Данный стиль жизни, несомненно, имеет в своей основе преимущественно негативистский когнитивный стиль с сопутствующим сниженным аффектом.

Здесь же мы поместим МКБ-категорию F60.7 «Расстройство типа зависимой личности», характеризующееся:

а) стремлением сделать так, чтобы другие принимали важные решения, с соответствующим субмиссивным (подчиняющимся) поведением по отношению к людям, представляющимся значимыми;

б) невозможностью отстаивать свои интересы и уверенно занимать твердую позицию;

в) страхом быть оставленным и, как следствие, суетливой угодливостью с тем, чтобы не оказаться перед необходимостью отвечать за себя.

Иначе это расстройство именуется «пассивным» и характеризуется исключительной зависимостью от внешних факторов, проистекающей от базового ощущения внутренней нестабильности.

Преподобный пустынножитель Нил описывает страсть уныния, отделяя ее от страсти печали так, что она скорее предстает некоей мучительной, томящей скукой, нападением «беса полуденного», от которого спасение лишь во сне:

«Глаз унылого непрестанно обращается на дверь, и мысль его мечтает о посетителях; скрипнула дверь, и он вскакивает; послышался голос, и он выглядывает в окно, и не отходит от него, пока не соскучит. Унылый, читая книгу, часто зевает, и клонится ко сну, потирает лицо, тянется, поднимая руки, и отворотив глаза от книги, пристально смотрит на стену; обратившись опять к книге, почитает немного, переворачивая листы, любопытствует видеть конец слова, считает страницы, делает выкладку о числе целых листов, и, наконец, согнув книгу, кладет под голову и засыпает сном не очень глубоким, потому что голод начинает уже тревожить его душу, и заставляет позаботиться и о себе» [Там же. Т. 2, с. 258].

Близок к этому и описанный у основоположников классификации психопатологии «астенический психопатический тип» (К. Шнайдер,

П. Ганнушкин). Прежде всего, такие личности быстро утомляются, с юности они мало выносливы к нагрузкам, как физическим, так и эмоциональным. Они склонны к частым простудам и разнообразной вегетативной патологии. У них общая «нервная слабость», иногда с преобладанием тревожности, иногда апатической заторможенности, зачастую инфантилизма.

В повести Л. Толстого «Отец Сергей» находим следующий эпизод, предшествовавший падению монаха: «Купец рассказал, что дочь его, девица двадцати двух лет, заболела два года тому назад, после скоропостижной смерти матери, ахнула, как он говорит, и с тех пор повреди-лась. Днем она не ходит, боится света, а может выходить только после заката солнца. — Что же, она очень слаба? — сказал отец Сергей. — Нет, слабости она особой не имеет и корпусна, а только нерастениха, как доктор сказывал. ... Дочь была белокурая, чрезвычайно белая, бледная, полная, чрезвычайно кроткая девушка, с испуганным детским лицом и очень развитыми женскими формами. По лицу ее он увидел, что она чувствена и слабоумна. Он встал и вошел в келью. Она сидела на табурете, дожидаясь его. Когда он взошел, она встала. — Я к папаше хочу, — сказала она. — Не бойся, — сказал он. — Что у тебя болит? — Все у меня болит, — сказала она».

На протяжении жизни они сохраняют мимозоподобность, малодушие, впечатлительность, боязнь нового. Они те, кто испытывает пресловутый «комплекс неполноценности», — застенчивы, робки, угловаты. С трудом наводя мосты с людьми, они оказываются потом необыкновенно благодарными к тому, кто их принял, сохраняя пожизненную признательность в силу малой самооценки. Они нелицемерно жалостливы и способны в критических ситуациях к самоотверженности. Однако их никогда не покидает ощущение неуютности — в шумном обществе они ощущают себя неловко и тягостно, а в рутинном домашнем ритме им бывает скучно и дискомфортно.

«Уньние есть расслабление души, небрежение о подвигах, отвращение от обета; ублажательница мирян, клеветница на Бога, якобы немилосердного и бесчеловечного; в псалмопении оно нестройно, в молитве неумоно» [Там же. Т. 2, с. 539].

«Скажи нам, страсть нерадивая и расслабленная, кто есть зле родивший тебя? — Родительницы у меня многие: иногда бесчувствие души, иногда забвение небесных благ, а иногда и чрезмерность трудов» [Там же. Т. 2, с. 540].

На данном патохарактерологическом фоне часто развиваются симптомы неврастения — расстройства, для которого типично сочетание быстрой истощаемости с раздражительностью.

«Уньние есть расслабление души» [Там же. Т. 2, с. 539].

«Уньние есть изнеможение души, а душа в изнеможении, не имея того, что ей свойственно по естеству, не устывает мужественно против искушений» [Там же. Т. 2, с. 257].

Случаи из практики

БЕЗРАДОСТНАЯ: *Аня, 27 лет, операционистка в банке.* Пришла в поликлинику обследоваться. Давно, с подросткового возраста, бывают состояния тяжести и дискомфорта в левой половине тела и, соответственно, бессонными ночами появляется страх: «А вдруг там что-то не так». Тем более, что отец умер «от сердца» в 50 лет, хотя до этого несколько лет не работал и беспробудно пил. Росла и теперь живет в небольшом подмосковном городе. С детства усидчивая и прилежная, почти отличница, тихая, ответственная, исполнительная. Интересов, увлечений нет в настоящем и не может припомнить в прошлом. Примечательно, что нет не только потребности в лидерстве и стремления оказаться «на виду», но и желания с кем-то сблизиться. Как в юности, так и теперь нет подруг, пытается рационалистически объяснить это: «Вот доверишься кому-то, а в трудную минуту исчезнут или обманут». Даже на свадьбу не захотела устраивать никакого торжества — скромно одетые расписались в ЗАГСе и посидели в кафе с родителями. Описывает довольно пресную жизнь: закончила промышленный институт, работала на фабрике, тут же познакомилась с будущим мужем. Тот привлек своей предсказуемостью и основательностью. Дело в том, что предыдущий парень был противоположностью: яркий, амбициозный, строил множество планов, с ним было весело, но поняла, что у него «много слов, а дела нет». Родила ребенка, но после родов был спад настроения с бессонницей и болями в сердце. Получила права, но за руль садиться опасается. Прошлой осенью собралась впервые съездить на море в Египет, но как только приступила к поиску путевок и столкнулась с разнообразием вариантов, неожиданно «почувствовала ступор», овладевший всем телом страх, решила, что не стоит ломать привычный уклад, отправилась в провинциальный волжский городок на родину мужа и практически не выходила из квартиры, готовила и занималась ребенком. В выходные дни занята бытом. Упоминает, что любит театр, но была там последний раз года два назад. Любопытно, что для чтения выбирает не дамские романы, а триллеры, не столько мистического, сколько садистического содержания. В процессе психотерапевтического интервью обсуждалось предположение о том, что с ее «статотимической» натурой ей отчетливо не хватает впечатлений, «адреналина от жизни», и организм воспроизводит его кардиологическим путем.

ЗАВИСИМЫЙ: *Володя, 50 лет, автомеханик.* Выглядит старше своих лет, понурый, с обвисшими усами и жалостливо печальным взглядом. Ему мать рассказывала, насколько он был нежеланным ребенком — она специально купала его в холодной воде и оставляла на морозе, когда тот заболел, к врачам его не водила. Так и вырос с вложенным ощущением собственной ненужности. Понравилась в юности кроткая женщина с ребенком и вздорной матерью. Девочка выросла и теперь ему постоянно грубит. Теща обвинила в краже денег и таскала его в милицию. Жена только вздохнула: «Какой же ты несуразный, не зря и мама, и дочка на тебя наговаривают, и вообще денег ты мало зарабатываешь». Он живет с ней уже 18 лет, но она упорно отказывается оформить брак: «А кто тебя знает, выйдешь за тебя замуж, а ты пить и драться начнешь. А еще лучше, нашел бы ты себе богатую даму с квартирой и уходил бы от нас». Он терпит. А может быть, просто некуда идти. Действительно, закончив престижный Институт управления, не то что руководить, а просто адаптироваться среди сотрудников где бы то ни было не может. Так, даже теперь, занимаясь простым физическим трудом, в обиде на мастера — тот более выгодные заказы отдает его напарнику, а дома жена пилит — опять мало денег принес. Собственному его сыну 12 лет, но и тот повышает на него голос, а наш клиент может лишь громко и бессильно материться. Вообще, обида — наиболее частое его душевное расположение. Свою очевидно неудачливую жизнь склонен объяснять тем, что, мол, тут без глаза не обошлось, мол, в детстве, шая, досадили какой-то местной деревенской бабке, так та, наверное, и наложила заклятие. «Вот доживу до совершеннолетия сына и уйду в монастырь», — говорит он о перспективах. Мол, если возьмут. Если....

* * *

Приняв возможность соотнесения личностных расстройств, описанных в психиатрической клинике, с духовными искажениями (страстями), описанными в аскетической православной традиции, мы обнаруживаем перспективу более глубокого понимания этих явлений.

Во-первых, все виды описываемых патологий / духовных искажений можно рассматривать как различные варианты нарушения продуктивного диалога с реальностью (диалога между «Я» и «не-Я»).

Для страсти гордости и шизоидной психопатии характерно отвержение реальности и создание альтернативной реальности.

Для страсти тщеславия и истерической психопатии характерна прихотливая деформация реальности по типу поисков своего отражения в лстяще-искажающем зеркале.

Для страсти гнева и эпилептоидной психопатии характерна деструкция реальности.

Для страсти печали и психастенической психопатии характерно взаимодействие с реальностью в режиме напряженного сверхконтролирования с непереносимостью спонтанно возникающих изменений.

Для страсти корыстолюбия и паранойяльной психопатии характерно создание «идолов» или «фрагментирование» реальности.

Для страстей чревоугодия и уныния и, соответственно, аффективных типов психопатии — «гипер-» и «гипотимии» — характерна своего рода «слипчивость» с реальностью, фиксация на ее неподвижности с препятствием к само-трансценденции.

Для страсти блуда и неустойчивой психопатии характерно пренебрежение реальностью в угоду собственным прихотям.

Таблица 3

Метапсихология	Аскетика	Патохарактерология
Отвержение	Гордость	Шизоидная
Искажение	Тщеславие	Истероидная
Деструкция	Гнев	Эпилептоидная
Сверх-контроль	Печаль	Психастеническая
Фрагментирование	Корыстолюбие	Паранойяльная
«Слипчивость»	Чревоугодие	Гипертимная
«Слипчивость»	Уныние	Гипотимная
Пренебрежение	Блуд	Неустойчивая

Во-вторых, внутри всякого психопатического типа можно предположить наличие некоего «напряжения потенциалов» между двумя полюсами характера, что обуславливает своего рода энергетику существования данного типа. Мы обозначили это явление как «психопатические дифференциалы». Современный исследователь В. Руднев (2002) вслед за Э. Кречмером выделяет сходный феномен, обозначая его как «внутриличностные пропорции». Выделение упомянутых «психопатических дифференциалов» открывает перспективы для коррекции декомпенсации личностных нарушений, что применительно к аскетической практике выражено в следующем поучении:

«Добродетели суть середина, тот царский путь, о котором один святой старец сказал: «Ходите путем царским, и считайте поприща версты»... Итак, добродетели, как я сказал, суть середина между излишеством и недостатком. Поэтому и сказано в Писании: не совертится ни на десно, ни на лево [Втор. 5: 32]. И святой Василий говорит: «Прав сердцем тот, чей помысл не уклоняется ни в излишество, ни в недостаток, но направляется только к средине добродетели» [авва Дорофей, 2000].

Психопатии	Внутриличностные пропорции (Э. Кречмер / В. Руднев)	Психопатические дифференциалы
Шизоидная	Между гиперэстетичностью (сверхчувствительностью) и анэстетичностью (бесчувственностью)	Аутизм — Сверх-раскрытие по типу «регрессивной синтонности»
Истерическая	Между неподвижностью и акцентуированным стремительным движением и, как вариант, между вычурной демонстративной статичностью и ювенильной сиюминутностью, подвижностью аффекта	Стремление впечатлить — Непереносимость нежелательного впечатления. Гиперэкспрессия на людях — Неполнота бытия без восприятия извне
Эпилептоидная	Между инертностью и дисфорической эксплозивностью и между прямолинейной жестокостью и ханжеской угодливостью	Вязкая ригидность — Брутальная разрядка
Психастеническая	Между сверхсовестливостью и затрудной сомневающейся дотошностью (комплекс Червякова)	Робкая неуверенность — Ригидная пунктуальность
Паранойяльная	Не рассматривается	Подозрительность — Сверхдоверчивость
Гипертимическая	Между хорошим и дурным настроением	Наслаждение жизненностью — Непереносимость выхода за пределы обыденности
Гипотимическая	Между хорошим и дурным настроением	Дискомфорт от жизни — Непереносимость выхода за пределы обыденности
Неустойчивая	Не рассматривается	Агрессивность — Уступчивость

В-третьих, применительно к терапии описанных патологий / искажений, важнейшая мысль высказана цитировавшимся ранее православным мыслителем И. Ильиным: «Преодоление страстей должно состоять не в насильственном подавлении их, а в пере-уклонении их» [Ильин, 1993]. Современный богослов епископ Каллист (Уэйр) в своем исследовании (2003) аргументирует позицию предпочтительного «пере-направления, а не умерщвления страстей». Есть светлые слова у прославленной во святых мученицы матери Марии: «Всякое отречение есть ложь. Отрекаясь, мы утверждаем подлинную реальность того, что есть зло и, таким образом, воплощаем зло в сущее. Для того чтобы найти подлинное, человеку нужно не отречься, а преобразовать. Все, что сущее, может и должно быть преобразено. Зло — не путь, а

состояние непреображенности. Обратное — это утверждение равной значимости добра и зла, Бога и дьявола в равной их воплощенности» [Скобцова, 1927].

Итак, направлением терапевтической работы в случаях личностных расстройств и духовного аскетического делания применительно к страстям будет облагораживание психопатий и преображение страстей.

Таблица 5

Страсти	Трансезус	Психопатии	Коррекция
Гордость	Бытие субъектом диалога с Высшим	Шизоидная	Спокойное достоинство
Тщеславие	Обретение подлинной красоты перед Высшим	Истерическая	Многогранная само-актуализация
Гнев	Ревность в стремлении к Высшему	Эпилептоидная	Сила и настойчивость
Печаль	Осознавание неполноты бытия без упования на Высшее	Психастеническая	Порядочность, аккуратность, собранность
Корыстолюбие	Ревность в стяжании «Единого на потребу»	Паранойяльная	Целеустремленность
Блуд	Преображенный Эрос	Неустойчивая	Легкость, непринужденность
Гнев	Благодарность за данность	Гипертимная	Позитивный жизненный стиль
Уныние	Осознавание несовершенства	Гипотимная	Сдержанность, тактичность

В-четвертых, предполагаемое соответствие подразумевает наличие центра гармонии как выражения аскетической цели — достижения бесстрастия и уподобления совершенной Богочеловеческой Личности. По мере отдаления от центра в ту или иную сторону возникают искажения вначале духовного, а затем, укоренившись, и душевного, психического строя личности. Метод проекции духовных искажений на психическую реальность открывает перспективу обнаружения соответствующей патологии на уровне «телесности», что является уже прерогативой психосоматической медицины. Возможно, что дальнейшее обсуждение предложенной концепции позволит обнаружить продолжение радиуса патологической оси, выходящее за пределы личностных расстройств в сферу «большой психоневрологии». В таблице 6 мы намечаем некий континуум, простирающийся от девиаций духовного уровня до расстройств, требующих медицинской помощи.

Аскетика	Патохарактерология	Медицина
Гордость	Шизоидность	Шизофрения
Тщеславие	Истероидность	Сенсорно-моторные нарушения
Гнев	Эпилептоидность	Эпилепсия
Печаль	Психастения	Обсессивно-компульсивное расстройство
Корыстолюбие	Паранойяльность	Паранойя
Чревоугодие	Гипертимия	Мания
Уныние	Гипотимия	Депрессия
Блуд	Неустойчивая	Органика и травмы

Утвердительный ответ на вопрос о существовании корреляций между нравственными девиациями и патохарактерологическими расстройствами открывает вдохновляющую перспективу выстраивания парадигмы не только антропологии, но и прикладной медицины, исходя из представления о всеединстве явлений мира и взаимной детерминации уровней тварного бытия.

ЛИТЕРАТУРА

- Белорусов С.А. Целительное событие: искусство практической транспсихотерапии. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.
- Варнава (Беляев), епископ. Основы искусства святости. Н. Новгород, 1995.
- Василий Великий, св. Творения, ч. 4., беседа 6 на Лк. 12, 16–21. 1858.
- Добролюбие. Изд. второе, иждивением Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря. Москва, 1895.
- Дорофей, авва. Душеполезные поучения. М.: Изд. Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000.
- Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. Издание ТОО «Рарогъ», 1993.
- Древний патерик. М.: Издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 1899.
- Клеман О. Истоки. Богословие отцов древней Церкви. М.: Путь, 1994.
- Коржова Е. Путеводитель по жизненным ориентациям. СПб., 2004.
- Лосев Л. Иосиф Бродский. М, 2008.
- Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 2007.
- Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. СПб.: Речь, 2005.
- Позов А. Основы древне-церковной антропологии. Мадрид, 1965.
- Психология личности: тексты. М., 1982.
- Руднев В. Характеры и расстройства личности. Патография и метапсихология. М., 2002.
- Скобцова Е. Святая Земля // «Путь». 1927. № 6. С. 75–80.

Фромм Э. Человек для самого себя // Психоанализ и этика. М.: Дайджест, 1993.
Kallistos, Ware. 2003. *Tout ce qui vit est saint*. Paris: Les editions du Cerf.

Psychopathological systematization of personal frustration and the doctrine about “Passions” in ascetic orthodox tradition

S.A. Belorusov

The clinic of personal frustration in details analysis in article, attempt to group them, proceeding from phenomenological displays is undertaken. The basic innovative moment of the given material — the argument of possible correlation and, as consequence, interrelation between medical concept «psychopathy» and ascetic concept “passion”. The structure of a material statement represents the description of a clinical picture of personal frustration with its parallel comparison to the descriptions of spiritual distortions obtained from classical Christian sources.

Key-words: psychopathy, frustration of the person, passion.

- Belorusov S.A. Tselitel'noe sobytie: iskusstvo prakticheskoi transpsikhotera-pii. Rostov-na-Donu: Feniks, 2007.
- Varnava (Belyaev), episkop. Osnovy iskusstva svyatosti. N.Novgorod, 1995.
- Vasilii Velikii, sv. Tvoreniya, ch. 4., beseda 6 na Lk. 12, 16-21. 1858.
- Dobrotolyubie. Izd. vtroe, izhdiveniem Russkogo na Afone Panteleimonova monastyrya. Moskva, 1895.
- Dorofei, avva. Dushepoleznye poucheniya. M.: Izd. Moskovskogo Podvor'ya Svyato-Troitskoi Sergievoi Lavry, 2000.
- Il'in I.A. Aksiomy religioznogo opyta: V 2 t. Izdanie TOO «Rarog'», 1993.
- Drevnii paterik. M.: Izdanie Afonskogo Russkogo Panteleimonova monastyrya, 1899.
- Kleman O. Istoki. Bogoslovie ottsov drevnei Tserkvi. M.: Put', 1994.
- Korzhova E. Putevoditel' po zhiznennym orientatsiyam. SPb, 2004.
- Losev L. Iosif Brodskii. M, 2008.
- Mak-Vil'yams N. Psikhoanaliticheskaya diagnostika: ponimanie struktury lich-nosti v klinicheskom protsesse. M.: Klass, 2007.
- Mendelevich V.D. Psikhologiya deviantnogo povedeniya. SPb: Rech', 2005.
- Pozov A. Osnovy drevne-tserkovnoi antropologii. Madrid, 1965.
- Psikhologiya lichnosti: teksty. M., 1982.
- Rudnev V. Kharaktery i rasstroistva lichnosti. Patografiya i metapsikhologiya. M., 2002.
- Skobtsova E. Svyataya Zemlya // «Put'». 1927. № 6. S. 75-80.
- Fromm E. Chelovek dlya samogo sebya // Psikhoanaliz i etika. M.: Daidzhest, 1993.
- Kallistos, Ware. 2003. *Tout ce qui vit est saint*. Paris: Les editions du Cerf.